

УДК 821.161.1-1

КОНЦЕПТ «ЗЕРКАЛО» В ПОЭЗИИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА И Б. Л. ПАСТЕРНАКА

С. Ю. Николаева, В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье рассматриваются своеобразие и художественные функции концепта «зеркало» в поэзии Ю. П. Кузнецова и Б. Л. Пастернака, устанавливается значение этого концепта для формирования системы взглядов на задачи искусства у данных художников слова. Акцент ставится на полемике Кузнецова с Пастернаком, делается вывод об антропоцентричности концепции искусства у Б. Л. Пастернака и теоцентричности – у Ю. П. Кузнецова.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, Б. Л. Пастернак, концепт «зеркало», эстетика, аксиология.

Размышления о сущности и назначении искусства занимали важное место в творчестве Ю. П. Кузнецова, достаточно вспомнить его обобщающую работу «Воззрение», поэму «Золотая гора», целый ряд ярких стихотворений, россыпь афористических высказываний, сохранившихся в воспоминаниях его друзей и коллег. Можно ли выделить какие-то доминанты, какие-то закономерности в системе рассуждений поэта? Отвечая на этот вопрос, обратимся к программному стихотворению «Испытание зеркалом» (1985).

Исследователи, изучавшие образ зеркала в литературе на материале творчества Г. Р. Державина, А. Фета, Ф. Тютчева, И. Бунина, А. Блока, И. Анненского, Вяч. Иванова, А. Ахматовой [14, с. 73–84], М. Цветаевой, В. Набокова, М. Булгакова, Б. Пастернака и других, давно заметили, что «зеркало» в художественной литературе может рассматриваться как мифологема, архетип, мотив, метатроп, многоуровневая метафора, микросюжет, принцип поэтики, концепт. Сделан вывод о том, что литературоведческий анализ в данном случае должен выйти за пределы индивидуального стиля отдельного писателя и исходить из того, что зеркало не просто конкретный образ, символ или мотив, а предельно общий стилиевой принцип [15], концепт. И поскольку «область «перевода» всего мира на свой единый язык символов есть, выражаясь метафорически, сфера действия «семантического зеркала»», то не случайно «в русской литературе XX в. одним из доминирующих механизмов смысло- и текстопорождения становится образ “зеркала”. “Зеркало” становится механизмом и семантизации дискурса <...> и семиотизации, характеризующейся своеобразной игрой со знаками, хранящимися в памяти, и игрой с моделями» [17, с. 89].

Н. А. Фатеева, делая обобщение о языке поэзии как о «семантическом зеркале», а о зеркале как «механизме» осуществления поэтом «связи с внетекстовой действительностью», по сути дела, повторяет хорошо известный тезис «искусство есть зеркало жизни», вытекающий из хрестоматийной «теории отражения». Ее блестящий филологический анализ методологически основывается на этой теории. И результаты анализа вполне корректно соотносятся с теми художественными феноменами, которые подвергнуты рассмотрению в ее книге.

Следует сказать, что большинство названных выше поэтов и писателей, использовавших образ зеркала в своем творчестве, опирались именно на этот принцип – принцип отражения, пусть и пересоздающего, а не копирующего или воссоздающего действительность. Но поэзия Ю. Кузнецова в этом отношении стоит несколько особняком. Конечно, и он подтверждал свою приверженность принципу «пересоздающего отражения» жизни: «Сначала я впитываю мир и вещи мира, как воду губка, а потом выжимаю их обратно, но они уже становятся другого качества». Однако его размышления об искусстве как о зеркале этим не ограничились. Кузнецову была важна система ценностей, звеном которой является зеркало поэзии, аксиологический аспект творчества.

По верному суждению Н. А. Фатеевой, «отображение внешнего мира в самом зеркале зависит от структуры его поверхности и создается этой поверхностью. Картина же, которую видит определенный художник в зеркале, зависит не только от качеств зеркала, но и от выбранной смотрящим в него проекции: по тому, “куда глаза глядят” у определенного художника слова, можно сделать вывод об его фокусах эмпатии. Так, проекция “зеркала” Пастернака – природа и человек в мире природы <...>. Проекция Мандельштама – история и культура» [Там же, с. 91].

Что же касается Ю. Кузнецова, то его проекция – человек и Бог, человек как объект борьбы Дьявола с Богом, а также русский человек в его национально-историческом бытии.

В частности, важнейшую роль концепт «зеркало» играет в эпической поэме Ю. Кузнецова «Дом». Здесь с помощью принципа «зеркала» раскрываются русские национально-исторические ценности и национально-историческое время. При этом выбирается эпохальный масштаб времени. Основные события – это история России в XX столетии: «Во тьме твоей, двадцатый век, / Не исследить печали». В то же время создается символический образ зеркала русской истории, где происходит вся жизнь страны, сопоставленная с масштабом земного шара и вселенной («мелькали в зеркале века и плыл планетный шар»):

Кривой монгол, стальной тевтон
 Легли на нем слоями.
 Повел на Родину масон
 Огромными ноздрями.
 И отразился декабрист
 И с топором студент,
 Народоходец и марксист
 И тот интеллигент... [5, с. 212].

Символическое зеркало, даже не зеркало, а «зерцало», должно дать ответ, сохранится ли дом (национальный мир): «Взорвется бомба или нет? / Но истина молчала» [Там же, с. 209].

Слово «зерцало», в отличие от «зеркала», чаще употребляется иносказательно, как указывает В. И. Даль. В этом смысле – «зерцало правды», «зерцало истории» – используется этот образ и в поэме Ю. Кузнецова. Символический свет истории, времени, истины как бы освещает все пространство поэмы. Зеркало таинственно связывает предметный мир с миром сущностей: «Оно сияло со стены неверно и бездонно». Волшебное зеркало отражает не только историю народа, но и личные судьбы в свете истории: «Не надо, – прохрипел старик, / – Не надо столько света... – / Ему блеснул последний миг – / Не зеркало ли это?» Или так: «Блеснула в зеркале спина. Ивана уводили» [Там же, с. 207].

Эпическое время жизни народа, по мысли поэта, включает в себя и века истории, и жизнь прежних поколений, и миг любви, подвига, поступка конкретного

человека: «Цикады час, кукушки год и ворона века». Величественный масштаб эпического времени сохраняется до конца произведения. Эпическое время охватывает прошлое, настоящее и будущее: «Громада времени, вперед! Владимир, твой черед!» Непрерывно движущееся, необъятное и невозвратное время, отнимающее у человека годы, дни и часы жизни, не может не вызывать боль. Это боль утрат и боль расставания с собственной жизнью. Эпический мир Кузнецова трагичен. «Глухой эпический раскат (то есть бой часов) боль породил в душе». Герой закликает время остановиться, а внук, поняв его прямолинейно, пронзает часы стрелой из лука.

Опираясь на традиции в каждом из элементов структуры поэмы, Ю. Кузнецов не выдумывает свои, только ему присущие знаки вещей, идей и чувств, что фактически всегда выглядит как зашифрованный текст, требующий особого кода. Код для понимания Ю. Кузнецова – это традиции национальной культуры, символы времени у Ю. Кузнецова – старинные стенные часы и крики петуха. Символы исторического видения – волшебное зеркало, холм, с которого обозревается Русь, и т. д. «Новым мышлением» поэт считает понимание зеркальности мира, времени и пространства. Все отражено во всем. Зеркален даже крик петуха.

Девичий смех, предсмертный хрип
Находят выражение.
В нем кровь и радость, мрак и гул,
Стихия и характер,
Призыв на помощь «Караул!» –
Кипение проклятий [Там же, с. 197].

Предметно-вещный мир Ю. Кузнецова: дом, часы, бомба, туман, земля; понятия и состояния: число, жизнь, смерть, свет, тьма, сон, высота, глубина, власть, а также, безусловно, зеркало – несут в себе символично-философский смысл.

В поэме «Дом» зеркало таинственно связывает предметный мир с миром сущностей: «Оно сияло со стены неверно и бездонно». В дальнейшем метафору зеркального отражения поэт развивает, углубляя её религиозно-философский смысл. В стихотворении «Последнее искушение» отражение «в блестящем зеркале вод» меняет правое на левое, а левое на правое, то есть меняют свои значения все нравственно-этические категории. Отраженный мир оказывается миром сатаны, который распространяется и на народные представления: «– Сидя в лодке, учил ты любви, / Но народ, как твое отражение, / Повторял все движенья твои, / Им давая другое значенье» [4, с. 299]. В стихотворении «Испытание зеркалом» гость-сатана заявляет: «Зеркалами я скрыл глубину, / Плоскость мира тебя отражает. / Вместо солнца ты видишь луну, / Только плоскость тебя окружает» [Там же, с. 236]. Зеркальное отражение мира в сознании, искусстве, поэзии оказывается наваждением, адской бездной, искажением Божьего замысла.

Кроме национально-исторического «зеркала», Кузнецов развивает и тему «зеркала» религиозно-философского, мистического, связанного с inferнальным миром. Художник слова, по мысли Кузнецова, получив в свое распоряжение такой тонкий и сложный инструмент познания мира и воздействия на мир, как поэтическое зеркало, подвергается страшному искушению. Он может сделать вывод о том, что весь мир заключен в нем самом: «Познай самого себя – и только». Об этом и говорится в стихотворении «Испытание зеркалом»:

...Он сказал: – Ты давно искушённый.	Дальше глаза не видел твой разум.
Ты в себе, как в болоте, погряз,	Оттого ты всю жизнь изнывал,
Из привычек не вышел ни разу.	От томления духа ты плакал,
Дальше носа не видел твой глаз,	Что себя самого познавал,

Как задумал дельфийский оракул.	Но принёс тебе зеркало я,
Одиночество духа парит,	Чтоб не мог ты один оставаться,
Разрывая пределы земные.	Как влюблённый Нарцисс от ручья,
Одиночество духа творит,	От себя самого оторваться
Прозревая уделы иные.	[6, с. 198].

Как и во многих других стихотворениях, Кузнецов показывает, как соблазн самопознания-самолюбования приводит поэта к роковым ошибкам:

Ты поверил, что правда сама,
А не кривда глядит из зеркала.
Ты, конечно, сошёл бы с ума,
Если б в нём отраженье пропало.
Ты попался в ловушку мою,
На дешёвую склянку купился... [Там же, с. 199].

Стоит отметить, что в этом произведении Кузнецов использует множество мифологем, культурем, реминисценций.

В тексте Кузнецова реализованы представления о том, что зеркало проявляет истинную сущность человека, только в зеркале становятся зримыми «тончайшие формы» или идеи вещей; что зеркало может стать символом индивидуального человеческого самопознания. В славянской мифологии зеркало – символ «удвоения действительности», граница между земным и потусторонним, тонким миром. Зеркало символизирует луну, так как отражает солнечный свет. В зеркале возникает человеческий двойник, его второе «я». В фильме Андрея Тарковского «Зеркало» (1974) этот образ толкуется как мистическое воплощение человеческой памяти с ее нелинейностью, осколочностью и противоречивостью. Вместе с тем символика зеркала может быть связана с ложной духовностью (по мнению философа Я. Беме, грехопадение Адама заключалось в присвоении им Божественной прерогативы отражения в зеркале, в результате чего произошло расщепление первоначального духовного единства, отпадение человека от Бога). Для философа Платона зеркало служило не только инструментом познания, но и способом описания самого процесса познания: «Возьми зеркало и води им в разные стороны – сейчас же у тебя получится и солнце, и все, что на небе, и земля, и ты сам, и остальные живые существа, а также предметы, растения и все, о чем только шла речь. Да, но все это будет одна лишь видимость, а не подлинно сущие вещи» (цит. по: [16, с. 184]). По-видимому, Кузнецов знал легенду о том, как зеркало появилось на земле (зеркало принес в наш мир Сатана, подарив его монаху).

В данном случае интересен литературный контекст, в котором следует воспринимать стихотворение Кузнецова. Думается, речь должна идти о полемической направленности поэтической мысли автора «Испытания зеркалом» на стихотворение Б.Л. Пастернака «Зеркало» из книги «Сестра моя – жизнь» (1917–1922). В ранней редакции название «Зеркала» – «Я сам». Поэтому зачин стихотворения Кузнецова читается как логическое продолжение этой коротенькой фразы Пастернака:

Я хотел рассказать о себе,
Но в ту ночь на Ивана Купала
Треснул с грохотом мир – и в избе
Я увидел зиянье провала.
Возле бездны поставил я стул,
Чтоб туда не шагнуть ненароком.
И, конечно, туда бы шагнул,
Окажись я в раздумье глубоко... [6, с. 197].

Излишне пристальное всматривание в свое «я», сосредоточенность на своем внутреннем мире оборачивается трагикомической ситуацией: лирический герой едва не проваливается в преисподнюю, он наблюдает не «сокровища души», а «бездну», «зиянье провала», что в художественной системе Кузнецова синонимично и метонимично Сатане, нечистой силе, искушению и наваждению, бесовской прелести и заблуждению. Самоуглубление поэта оборачивается разговором с чертом, полемикой с ним по поводу отношения к зеркалу:

Глянь вокруг! Ты, как Данте в раю, В лабиринте зеркал очутился. Зеркалами я скрыл глубину, Плоскость мира тебя отражает. Вместо солнца ты видишь луну, Только плоскость тебя окружает.	На пустое кричишь ты: «Моё!», В роковое уставясь зеркало. – Я плевал на зеркало твоё! – Но оно твой плевков возвращало [Там же, с. 198].
---	--

Сатана убеждает поэта в том, что он заблуждается, а поэт самонадеянно полагает, что способен разобраться в зеркальных лабиринтах смысла. Сатана откровенно называет героя «шифровальщиком пустот», а поэт уверен, что идет по верному пути и отнюдь не в тупик:

– Я твои зеркала разобью, И смеяться осколки заставлю, Лабиринты твои распрямлю, И тебя куда надо отправлю. – Разбивай – и начнёшь, как двойник,	размножённый в осколках, смеяться. Распрямляй – и уткнёшься в тупик, Отправляй – сам начнёшь отправляться [Там же, с. 199].
--	--

В художественном мире Ю. Кузнецова «зеркало таинственно связывает предметный мир с inferнальным», религиозно-философский смысл образа зеркала и зеркальной метафоры у поэта углубляется, «отраженный мир оказывается миром Сатаны», «зеркальное отражение мира в сознании, искусстве, поэзии оказывается наваждением, адской бездной, искажением Божьего замысла» [12, с. 80].

Конечно, ирония Кузнецова по поводу поэзии как «зеркала души поэта» отнюдь не отменяет творчества. Поэт говорит о необходимости рассматривать «зеркало» в системе духовно-нравственных координат, в контексте борьбы Добра и Зла, Бога и Дьявола: «Мой хозяин в неравной борьбе / Угадал свой конец неминуемый. / Он заложника видит в тебе, / Он на всякий надеется случай...».

Любопытно, что образ черта с оборванным веком в стихотворении Ю. Кузнецова оказывается близок образу зеркала как глаза, лишённого век, в стихотворении М. Волошина «Зеркало» (1905):

Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза, –
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиися губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его: «Останься, будь во мне, –
Не прерывай рождающейся муки...»

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне – глубоко...
Но время наконец застынет надо мной
И тусклою плевой мое затянет око! [2, с. 123].

Интерпретация образа зеркала М. Волошиным, данная от первого лица, необычна: лирический субъект – само зеркало, вступающее в диалог с предстоящим ему миром и разговаривающее словно бы из преисподней. Эта мистическая и вместе с тем трагическая концепция углубляется у Кузнецова и трансформируется в трагикомическую, вплоть до превращения зеркала в самого черта, Сатану, беседующего с поэтом и безуспешно искушающего его (у поэта – лирического героя хватает душевных сил на то, чтобы посмеяться над незванным гостем):

Он мигнул мне *оборванным веком*.
Грянул гром – и рассеялся дым.
Сквозняком по избе потянуло.
Гость исчез, стул остался пустым.
И края свои бездна сомкнула.
Что за гость? В голове ни царя,
И мигает *оборванным веком*... [6, с. 199].

Зеркало – это и есть тот самый бес-искуситель, который заманивает поэта в лабиринты и пустоты.

Но если «Зеркало» М. Волошина можно считать в определенной мере предтечей «Испытания зеркалом» Ю. Кузнецова, то стихотворение Б. Пастернака «Зеркало» становится объектом более последовательной и глубокой творческой полемики с его стороны.

Кузнецов не является апологетом Пастернака. И поэтому традиционное прочтение пастернаковского «Зеркала» как эстетической декларации поэта, в которой зеркало представляется метафорой познания и творчества, нуждается, с нашей точки зрения, в некоторых уточнениях – для того чтобы понять, с чем же спорил Ю. Кузнецов. Приведем текст Пастернака целиком:

В трюмо испаряется чашка какао,	Огромный сад тормозится в зале
Качается тюль, и – прямой	В трюмо – и не бьет стекла!
Дорожкой в сад, в бурелом и хаос	Казалось бы, все коллодий залил,
К качелям бежит трюмо.	С комода до шума в стволах.

Там сосны враскачку воздух саднят	Зеркальная все б, казалось, нахлынь
Смолой; там по маете	Непотным льдом облила,
Очки по траве растерял палисадник,	Чтоб сук не горчил и сирень не пахла, –
Там книгу читает Тень.	Гипноза залить не могла.

И к заднему плану, во мрак, за калитку	Несметный мир семенит в месмеризме,
В степь, в запах сонных лекарств	И только ветру связать,
Струится дорожкой, в сучках и в улитках	Что ломится в жизнь и ломается в призме,
Мерцающий жаркий кварц.	И радо играть в слезах.

Души не взорвать, как селитрой залежь, Шуршит вода по ушам, и, чирикнув,
 Не вырыть, как заступом клад. На цыпочках скачет чиж.
 Огромный сад тормошится в зале Ты можешь им выпачкать губы черникой,
 В трюмо – и не бьет стекла. Их шалостью не опоишь.

И вот, в гипнотической этой отчизне Огромный сад тормошится в зале,
 Ничем мне очей не задуть. Подносит к трюмо кулак,
 Так после дождя проползают слизни Бежит на качели, ловит, салит,
 Глазами статуй в саду. Трясет – и не бьет стекла! [10, с. 60–61]

Прежде всего Пастернак воссоздает предметный мир жилища поэта – мир камерный, уютный, замкнутый, элитарный, интеллигентский, полубогемный: «зала» (дважды), «комод», «тюль», «очки», «книга», «запах сонных лекарств», «чашка какао».

Метонимически к нему примыкает мир природы, сада, окультуренного пространства палисадника и нецивилизованного пространства за его пределами: «огромный сад» (трижды), просто «сад», «палисадник», «качели», «статуи», «сук», «сучки», «сирень», «чиж», «улитки», «слизни», «сосны», «шум в стволах», «смола», «трава», «воздух», «ветер», «дождь», «вода», «калитка», «степь», «мрак», «Тень», «черника», «бурелом», «хаос», «несметный мир». И чем дальше от дома поэта, тем мрачнее и хаотичнее действительность.

Лирический герой и его душевное состояние эксплицируется с помощью таких лексем, как «маета», «жизнь», «шалость», «зеркальная нахлынь», «гипноз», «месмеризм», «гипнотическая отчизна», «слезы», «душа», «клад» (души), «залежь» (души), «очи», «глаза», «уши», «губы». Бессонница (с ней лирический герой борется с помощью «сонных лекарств»), гипнотический сон, маета нахлынувших воспоминаний, «особые флюиды психического магнетизма» (месмеризм) – в таком состоянии лирический герой создает свое поэтическое «зеркало жизни». Странники учения Месмера верили, что «в месмерическом состоянии человек три раза погружается в самого себя и после каждого раза получает большее понятие о внутреннем и внешнем мире» [7].

Поэт у Пастернака идет именно таким путем познания – путем погружения в себя. Гносеология в поэзии Пастернака приобретает мистический, исихастский характер: поэт наделяется особыми способностями – прозревать, видеть скрытое от иных глаз, про-видеть. Взгляд, устремленный в глубину Зеркала, видит не последовательно, не линейно, он видит одновременно все, что находится перед ним и за ним. По-гречески зеркало – «διόπτρα», то есть «взгляд насквозь», «взгляд через границу».

Зеркало у Пастернака становится соединяющим звеном между поэтом и жизнью, способом познания жизни. Оно представлено в стихотворении такими лексемами: «трюмо» (четырежды), «призма», «стекло» (трижды), «лед», «кварц», «коллодий», собственно «зеркало» (в заглавии). Здесь представлены как природные, так и рукотворные разновидности «зеркала». Значимость этого образа многократно подчеркивается автором.

Воспринятый лирическим героем мир, отраженный в «месмерическом» зеркале его поэтического искусства, описывается следующими глагольными формами: «испаряется», «струится», «мерцающий», «тормошится» (трижды), «качается», «бежит враскачку», «подносит к трюмо кулак», «бежит на качели», «ловит», «салит», «трясет», «семенит», «растерял», «ломится», «ломается», «играть», «на цыпочках скачет», «проползают». Большая часть глаголов в этом перечне вполне могли бы описывать поведение нечистого (вспомним, например, ужимки черта в «Ночи

перед Рождеством» Гоголя). В основном это глаголы движения и состояния, причем движения – неровного, суетливого, нервного, подчас разрушительного, а состояния – изменчивого, переливающегося, неуловимо-текучего. Как сказал бы Ю. Кузнецов, здесь прорвалось «коллективное бессознательное»: в тексте стихотворения Пастернака глагольная перспектива «отдает чертовщиной». Глаголов, обозначающих конкретное чувство или ощущение, немного: *шуршит, чирикнув, горчил, пахла, саднят, залил, выпачкать*. Лирическому «я» очень трудно воспринять окружающий мир в его ускользающей конкретности, предметности, гармонии, герою кажется, что «мир семенит в месмеризме», в гипнозе, во сне.

Особняком стоит глагол «читает» – он актуализирует то значение слова «зеркало», которое в средневековье передавалось лексемой «зерцало» и означало литературный жанр, под которым понимали «учебник мудрости самопознания», «душезрительное зеркало» (примерами могут служить «Диоптра» Филиппа Пустынника XI в., сборник «Великое Зерцало» XVII в., «Юности честное зеркало» 1717 г.) [11].

«Там книгу читает Тень», – сказано у Пастернака. Речь идет о самопознании лирического героя. «Тень» – его зеркальная ипостась, «книга» – «зерцало» его внутренней жизни. Лирическому «Я» интересен прежде всего он сам (не случайно первоначальное название стихотворения «Зеркало» – «Я сам»). Интересно, что такая трактовка совпадает с трактовкой Юнга – современника Пастернака: «Тот, кто смотрит в *зеркало* вод, видит прежде всего собственное отражение. Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться. Зеркало не льстит, оно верно отображает то лицо, которое мы никогда не показываем миру, скрывая его за Персоной, за актерской личиной. Зеркало указывает на наше подлинное лицо. Такова проверка мужества на пути вглубь, проба, которой достаточно для большинства, чтобы отшатнуться, так как встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным. Обычно все негативное проецируется на других, на внешний мир. Если человек в состоянии увидеть собственную *Тень* и вынести это знание о ней, задача, хотя и в незначительной части, решена: уловлено по крайней мере *личностное бессознательное*» [18, с. 111]. Средствами своей поэзии Пастернак решает эту задачу самопознания, сформулированную чуть позже него Юнгом в рамках философии и психиатрии.

Образ зеркала имеет в мире Пастернака особый «онтологический» статус [1, с. 25]: зеркало бытийно, всемогуще, вечно и бесконечно, всепроникающе, «все отражается во всем», зеркало определяет бытие лирического героя. Самопознание, осуществляемое с помощью зеркала, первостепенно-значимо, отраженный в зеркале поэзии мир несет на себе отпечаток личности поэта, этот «зеркальный» мир есть прежде всего субъективный внутренний мир поэта.

Отсюда и возникает многоуровневая метафора, о которой писал В. Жирмунский: «Актуализация всех элементов сложного целого в наглядном образе здесь уже решительно невозможна, впечатление иррациональности всего построения достигает наибольшей силы» [3, с. 320–321]. Для самого поэта важен не наглядный образ зеркала-отражения, а его функция: «Возвращаясь еще раз к стихотворению “Зеркало” Пастернака, заметим, что в этом “зеркале” все предметы, явления стремятся к неопределенности, сгущаются до дифференциальных признаков, а связи и отношения, передаваемые звуком и синтаксисом, умножают друг на друга эти признаки, преломляют их, как бы иконизируя функцию ‘отражения’» [17, с. 89].

Зеркало – это не что иное, как душа поэта. И если зеркало имеет онтологический статус, то душа поэта – аксиологический. Что бы ни воссоздавало, ни отражало «зеркало» Пастернака – сад, степь, хаос, несметный мир, – все это будет эманацией чувств лирического героя. Его «я», его «душа» – главная ценность,

единственная сущность, которая сохраняет в стихотворении на протяжении всего развертывания лирического сюжета самодостаточность, целостность, твердость и неизменность. Автор словно закликает свою душу, просит ее сохранить себя самое в сложных взаимоотношениях с жизнью, при этом используя в функции императива такие глагольные формы, как «не взорвать», «не вырыть», «не задуть», «не опоишь», «не бьет стекла» (трижды), «связать».

Если зеркало в поэзии вообще следует считать метафорой познания, то зеркало в поэзии Пастернака придется признать метафорой самопознания лирического героя. Именно здесь возникает главный повод для полемики Кузнецова с Пастернаком. Онтологический статус у Кузнецова приобретает не зеркало, как у Пастернака, а Бог, Сатана, человек. Аксиологический характер придается не внутреннему миру лирического героя, не его субъективному «я», на чем основывает свою мысль Пастернак, а проблемам нравственности, борьбе правды и кривды. Наконец, художественная гносеология Кузнецова опирается не на мистицизм, не на иррациональную многоуровневую метафору (хотя особенности метафоризации у него также требуют тщательной работы читательского восприятия), а на пушкинский принцип «духовной жажды» и библейский принцип «имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит». Не случайно Кузнецов иронизирует: «Дальше носа не видел твой глаз, / Дальше глаза не видел твой разум» [6, с. 199].

Концепция поэзии у Пастернака антропоцентрична, у Кузнецова – теоцентрична. Их «зеркала» отражают разные сущности, разные ценности.

Список литературы

1. Бройтман С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». М.: Прогресс – Традиция, 2007. 609 с.
2. Волошин М. А. Избранные стихотворения. М.: Сов. Россия, 1988. 384 с.
3. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука – классика, 2001. С. 282–350.
4. Кузнецов Ю. П. Крестный ход: стихотворения и поэмы. М.: СовА, 2003. 640 с.
5. Кузнецов Ю. П. Стихи. М.: Сов. Россия, 1978. 224 с.
6. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 5 т. Т. 4. 1980–1991. М.: Литературная Россия, 2012. 496 с.
7. Месмеризм или животный магнетизм [Электронный ресурс] // Мистическая энциклопедия. URL: <http://papus666.narod.ru/mag.htm>. (Дата обращения: 25.04.2014.)
8. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова): монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 252 с.
9. Николаева С. Ю. Поэзия И. А. Бунина в творческом сознании Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 18. Вып. 3. С. 44–53.
10. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1988. 511 с.
11. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л.: Наука, 1987. 294 с.
12. Редькин В. А. Инфернальный мир в творчестве Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 78–83.
13. Редькин В. А. Поэма Юрия Кузнецова как жанровая система // Юрий Кузнецов и христианский мир. М.: Моск. культурно-образовательный центр при Литературном институте им. А. М. Горького, 2013. С. 66–82.

14. Редькин В. А. Русская поэма 1950–1980-х гг.: Жанр, поэтика, традиции. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2000. 255 с.
15. Созина Е. К. Зеркальная символика как явление стиля русской поэзии рубежа веков // XX век. Литература. Стил. Стилиеве закономерности русской литературы XX века (1900–1950). Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 48–59.
16. Телицын В. Л., Багдасарян В. Э., Орлов И. Б. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия. М. : Локид-Пресс ; Рипол-классик, 2005. 490 с.
17. Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 399 с.
18. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. С. 95–128.

THE CONCEPT “MIRROR” IN THE POETRY OF YU. P. KUZNETSOV AND B. L. PASTERNAK

S. Yu. Nikolaeva, V. A. Redkin

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article discusses the peculiarities and artistic features of the concept “mirror” in the poetry by Yu. P. Kuznetsov and B. L. Pasternak, identifies the significance of this concept for the formation of the system of views on the goals of art which those poets shared. The emphasis is laid on the controversy between the two poets; the conclusion is made about anthropocentricity of the conception art created by Boris Pasternak and theocentricity – by Yu. P. Kuznetsov.

Keywords: *Yu. P. Kuznetsov, B. L. Pasternak, the concept of “mirror”, aesthetics, axiology.*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the authors:

NIKOLAIEVA Svetlana Yurevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

REDKIN Valery Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.